

В. Г. Дацышен

Статья посвящена одной из важнейших проблем истории русско-японских отношений – формированию образа японцев в русском общественном сознании. В 2015 г. исполнилось 70 лет с времени последней войны между нашими странами. Советско-японская война 1945 г. оказала большое влияние на всю последующую историю русско-японских отношений, представления о ней различны и противоречивы. В августе 1945 г. более миллиона советских солдат столкнулись с сотнями тысяч японских военных, их впечатления стали важнейшим фактором формирования образа японцев в русском обществе. Следы этих событий сохранились в газетных публикациях того времени и в воспоминаниях участников войны. Введение в научный оборот новых источников, их критический анализ и сравнение с другими свидетельствами той эпохи позволят лучше понять ту эпоху, что, несомненно, будет способствовать сближению двух народов.

Ключевые слова: Советско-японская война 1945 г., образ японцев в советском обществе, проблемы японского плена, материалы советских газет, воспоминания участников войны.

В 1945 г. состоялась советско-японская война, ставшая завершающим этапом Второй Мировой войны. Эта война подвела итог периоду войн и военных конфликтов, сотрясавших отношения между двумя странами и народами на протяжении всей первой половины XX в. Длительная эпоха послевоенного мира не привела к преодолению взаимных обид и претензий. Одной из причин сохранения недоверия является наследие войны 1945 г., по отношению к которой два народа имеют разные взгляды и представления.

Действительно, с самого начала августовской войны 1945 г. оформились разные взгляды на нее в мировом сообществе, стали формироваться противоречия, которые сохраняются до настоящего времени. Советский Союз начал войну против Японии строго в рамках международных обязательств, и справедливость этой войны не ставится под сомнение международным сообществом, включая все великие державы. Однако Япония до последнего надеялась, что СССР откажется от выполнения военных обязательств перед союзниками.

Новые противоречия стали формироваться в конце войны, когда советское руководство решило направить военнопленных, личный состав капитулировавшей Квантунской армии, в Советский Союз. В начале войны в советских газетах был опубликован «Ответ Правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и

Китай Правительству Японии» от 11 августа 1945 г., в котором говорилось: «Немедленно после капитуляции Японии Правительство отправит военнопленных и гражданских интернированных лиц в безопасные пункты, как будет указано, где они могут быть быстро посажены на борт союзных транспортов»¹. Российские ученые сегодня утверждают, что в середине августа 1945 г. «в адрес маршала А. М. Василевского поступил приказ, подписанный Л. П. Берия <...> В этом приказе было четко определено, что военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут, что полностью соответствовало духу Потсдамской декларации <...> Не успело это распоряжение вступить в силу, как 23 августа ГКО во главе со Сталиным принимает постановление 9898 <...> «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором подробно говорилось о направлении 500 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в Советский Союз»². Последовавшие после окончания войны раскол между союзниками и «холодная война» привели к новому витку противостояния между оккупированной американскими войсками Японией и СССР. В конечном итоге, по итогам Второй мировой войны между двумя странами до сих пор не подписан мирный договор.

На сегодняшний день остается актуальной задача сближения позиций двух народов по сложным вопросам двухсторонних отношений, преодоление доставшихся в наследство от прошлого противоречий. Важным фактором здесь является создания более полной и многомерной исторической картины российско-японского взаимодействия. В начале нынешнего века российские ученые стали озвучивать актуальную в контексте нашего вопроса проблему: «Мы привыкли к тому, что на протяжении многих лет, говоря о войнах, мы рассуждали исключительно об их политической подоплеке, военной стратегии победителя <...> Но почти всегда забывали о людях, втянутых в войны и пострадавших от них...»³. Таким образом, сегодня пришло время рассмотреть советско-японскую войну через призму «истории повседневности». В частности, важно понять, какой образ японца формировался в советском обществе в 1945 г., каким увидели японца советские солдаты и офицеры во время августовской войны, каким они представили его в своих воспоминаниях.

Советская пропаганда накануне и во время Второй мировой войны рисовала негативный образ японцев. Обусловлено это было комплексом причин и факторов. Русское общество еще не успело забыть горечь потерь и поражений войны 1904–1905 гг. Япония оказалась в числе наиболее последовательных противников большевиков и советской

¹ Правда. 12.05. 1945.

² Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: ИВ РАН, 2003. С. 35.

³ Там же. С. 5.

власти после революции 1917 г., а следствием длительной военной интервенции на Дальнем Востоке России стали воспоминания о кровавых столкновениях и карательных акциях, жертвами которых было и мирное население. В 1945 г. еще свежи были воспоминания о сожжении Ивановки и «Николаевском инциденте», во Владивостоке устанавливали новый памятник зверски убитому Сергею Лазо. С начала 1930-х гг. в СССР, как и во всем мире, шла подготовка к новой мировой войне. Советское руководство сделало ставку на союз со странами Запада против фашистской Германии, следовательно, Япония, с ее антиамериканской политикой, рассматривалась в качестве потенциального противника. Однако с начала 1939 г. в Советском Союзе не велось открытой анти-японской пропаганды по причине необходимости избежать войны с Японией в условиях большой войны в Европе. При этом, в той части русского населения, кто непосредственно участвовал в войнах с японцами, к японскому солдату относились с уважением – как к достойному и честному противнику, не исключая при этом таких качеств, как коварство и жестокость⁴.

Советско-японская война 1945 г. стала самым масштабным событием в двухсторонних отношениях по количеству участников. С советской стороны в войне участвовало около 1,5 млн. человек, с японской стороны советскому наступлению противостояло до 1 млн. японцев. Около 600 тыс. японцев были взяты в качестве военнопленных⁵. Сотни тысяч советских солдат, офицеров и генералов напрямую встретились с японцами, сначала на полях сражений, а затем – при приеме капитуляции и отправки в СССР сотен тысяч японских солдат.

Восприятие японцев советскими военнослужащими нашли отражение в газетных публикациях того времени и изданных позже воспоминаниях участников войны. При этом содержание публикаций несло на себе печать не только цензуры, но и жестких внутренних установок, сформированных условиями советского режима и военного времени. Наиболее массовой литературой по истории советско-японской войны стали историко-мемуарные работы советских военачальников. Работы многократно переиздавались, некоторые выдержали до десяти переизданий. Однако в качестве исторического источника их нужно использовать с осторожностью, эти издания носили пропагандистско-воспитательный характер, у военачальников были «соавторы» в виде «литературных редакторов». В Советском Союзе издавались воспоминания не только маршалов и генералов, но и солдат и офицеров. Однако воспоминания солдат крайне редки, их публикации так же тщательно редактировались.

⁴ Дацышен В.Г. Война на МНР. Халхин-Гол в нашей повседневности // Родина. 2009. №8. С. 17-19.

⁵ Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. / Под. ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. С. 240.

Воспоминания ветеранов советско-японской войны 1945 г. можно найти в различных публикациях, посвященных истории Великой Отечественной войны и опубликованных в региональных издательствах, чаще всего к юбилейным датам. Многие делают краеведы, разыскивающих ветеранов и собирающих их воспоминания⁶. В рамках устной истории в последние годы был собран материал, отражающий народные представления о советско-японских отношениях той эпохи, например: «Японцы шевелились все время вокруг границы, там они все никак не могли осмелиться, нападать – не нападать, потому что японцы же, они хитрые были»⁷.

В годы Второй Мировой войны советская периодическая печать не просто была подвержена жесткой цензуре, она являлась главным пропагандистским инструментом партийно-советского руководства. Тем не менее, многие газеты не ограничивались официальными сообщениями и политико-пропагандистскими материалами, а печатали сообщения собственных корреспондентов, в том числе и нештатных, с мест событий советско-японской войны.

Содержание советских газет указывает на приемы, которые использовала пропаганда для мобилизации советского народа на войну с Японией. Японцы назывались агрессорами и фашистами. Для консолидации советского народа в войне против Японии, пропагандисты в первые дни этой войны активно использовали тему японской военной интервенции на востоке России в 1918–1922 гг. В газетах помещались статьи с воспоминаниями местных жителей об интервенции. 9 августа в хабаровской газете «Тихоокеанская звезда» были напечатаны статья «Наш счет», в начале которой говорилось: «Японцы! Слишком долго слово это отдавалось ужасом в сознании, чтобы забыть его. Слишком много несло оно горя и слез». Другая статья – «Мы помним» – заканчивалась словами «Мы помним и мы отомстим»⁸.

В первые дни августовской войны советские газеты формировали негативный образ японцев, оперируя примерами уже этой войны. «В «Тихоокеанской звезде» за 11 августа была помещена статья «Удары моряков-амурцев» за подписью К. Динамова. Эта статья завершалась следующими утверждениями: «Первые бои раскрывают подлое нутро врага. Японская военщина всегда прибегала ко всякого рода коварным провокациям. Так было и на этот раз. Наши подразделения вели бой в местечке «Н» <...> Чувствуя безнадежность своего положения, японские офицеры и солдаты, заучившие несколько русских слов, кричали

⁶ Колесник Е.А. Коллекция документов 396-й Хинганской стрелковой дивизии в фондах Шимановского краеведческого музея // Амурский краевед. 2006. №1(23). С. 189.

⁷ Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни). Вып. 2. Красноярск, 2011. С. 157.

⁸ Тихоокеанская звезда. 09.08. 1945.

<...> – Своя, не стреляй! – Сдаюсь! Но это оказалось подлой уловкой. Когда наши бойцы подходили к ним ближе, они набрасывались на бойцов, бросали в них гранаты, стреляли из пистолетов, наносили ножевые раны. В другом случае японские солдаты и офицеры переодеваются в гражданское платье, предъявляют поддельные документы и тут же пытаются нанести удар в спину»⁹. Данная статья была напечатана и в других газетах. «Забайкальский рабочий» 19 августа поместил на своих страницах статью «Японские изверги замучили сержанта Калинина» с описанием следов пыток, обнаруженных на теле насмерть замученного советского бойца. Еще один пример зверств японцев над советскими пленными был описан в статье «Бессмертный подвиг ефрейтора Козлова»¹⁰.

О коварстве японских солдат и их готовности к самопожертвованию в советских газетах писали до самого окончания военных действий. 26 августа 1945 г., уже после того как в Москве отгремел салют победы и лидеры всех стран поздравили друг друга с победой над Японией, «Забайкальский рабочий» поместил сообщение спецкора ТАСС из расположения 2-го Дальневосточного фронта под названием «Коварные приемы врага». Корреспондент писал: «После короткого боя японцы, не выдержав натиска наших бойцов, ушли по извилистым ходам в доты, оставив на дне траншеи несколько трупов. Но стоило нашим бойцам спуститься в траншею, как «трупы» вскочили на ноги и начали стрелять из револьверов и бросать гранаты в наших бойцов. Перед земляным валом рота встретила пулеметный огонь <...> Ефрейтор Окоенко быстро заставил замолчать ее. Когда бойцы выдвинулись вперед и достигли вала, там оказался один уцелевший японец, который, подняв руки вверх, на ломаном русском языке произнес: – Не стреляй. Сдаюсь! Бойцы решили взять его в плен, но он, приблизившись к ним на несколько метров, выхватил из-за спины гранату и бросил ее под ноги бойцов»¹¹.

Описанные в газетных публикациях примеры поведения японских солдат в бою воспроизводятся и в воспоминаниях ветеранов. Офицер-артиллерист из Бурятии М. И. Соколов вспоминал: «Во время боев японцы неоднократно применяли провокационные методы: отдельные доты выбрасывали белые флаги, оттуда начинали кричать по-русски о сдаче в плен. Когда же наши бойцы выходили из укрытия, поднимались во весь рост, они открывали шквальный пулеметный огонь»¹². Советский офицер-танкист в своих воспоминаниях описал нападение летчиков-камикадзе на советскую танковую колонну вечером 19 августа: «Атака

⁹ Тихоокеанская звезда. 11.08. 1945.

¹⁰ Забайкальский рабочий. 24.08. 1945.

¹¹ Забайкальский рабочий. 26.08. 1945.

¹² Соколов М. И. С освободительной миссией // Встречный удар. /Сост. Ю.Г. Богомолов. Улан-Удэ, 1988. С. 26–29.

развивалась настолько стремительно, что экипажам даже не хватило времени на подготовку пулеметов к стрельбе. Первый самолет на малой высоте помчался к головному танку батальона и с полного ходу врезался в его лобовую часть <...> Языки пламени заплясали на корпусе «Шермана» <...> Второй японский летчик направил свою машину на это строение, но, пробив крышу, она застряла на чердаке. Никто из наших бойцов не пострадал <...> Третий пилот <...> направил самолет в окна здания, но <...> задев крылом телеграфный столб, истребитель-бомбардировщик рухнул на землю и сразу запылал костром. Четвертый самолет, спикировав на колонну, врезался в автомашину медицинского пункта батальона, которая загорелась. Два последних «смертника» нацелили удар по хвостовым танкам, но встреченные плотным зенитным огнем, оба самолета рухнули.»¹³

В воспоминаниях генералов также отмечается упорство и жертвенность японских солдат, но уже без указания на конкретные приемы и методы. В воспоминания генерала А. П. Белобородова приводятся такие примеры: «Ночью большая группа японцев напала на штаб <...> полка, и лейтенант <...> с группой автоматчиков <...> в тяжелом бою спас полковое знамя и прорвался с ним из окружения. Такое же нападение в эту ночь совершил противник и на штаб 75-го инженерно-саперного батальона»¹⁴. Член Военного совета 39-й армии В. Р. Бойко пишет: «12 августа 61-я танковая дивизия, наступая на солунском направлении, завязала бой за железнодорожную станцию Балтай. Вначале противник оказал сильное сопротивление, но после мощных ударов нашей артиллерии, танков и авиации вынужден был оставить станцию. В состав частей противника, оборонявших ее, входили корейцы и монголы-баргуты. Они-то и дрогнули первыми; срывая с себя погоны, массами стали сдаваться в плен. Но отдельные группы японских солдат дрались здесь стойко, даже безрассудно. Одна такая группа численностью до 40 человек бросилась в контратаку против танкового батальона и за считанные минуты была уничтожена». Далее, генерал приводил еще один пример: «Едва полковник вышел из САУ и стал рассматривать в бинокль подступы к городу, как из кукурузы выскочили два камикадзе и ножом смертельно его ранили. Экипаж самоходки гусеницами машины раздал бросившихся было наутек диверсантов»¹⁵.

В мемуарной литературе, в отличие от газетных публикаций, чаще встречаются указания на мирное взаимодействие между советскими и японскими войсками, имевшее место после 15 августа. В воспоминаниях наводчика «Катюш» из состава 42-го гвардейского минометного полка

¹³ Лоза Д. Ф. Танкист на «иномарке». Победы Германии, разбили Японию. М.: Эксмо, 2005. С. 258.

¹⁴ Белобородов А. П. Прорыв на Харбин. М.: Воениздат, 1982. С. 153.

¹⁵ Бойко В. Р. Большой Хинган – Порт-Артур. М.: Воениздат, 1990. С. 98.

И. Ф. Абраменко говорит: «Видимо, японское командование дало распоряжение войскам не вступать в боевые действия с нашими войсками. Это было видно на примере того, что при подъезде к японскому гарнизону у ворот при въезде на территорию гарнизона стояли японские часовые, без какого-либо сопротивления разрешали нам заправлять автомобили горючим, а мы им на количество взятого бензина писали расписку и следовали дальше»¹⁶. Генерал И. М. Чистяков в своих воспоминаниях пишет о событиях 17 августа: «Когда мы сели на аэродроме в Яньцзи, в окно самолета я увидел картину, которая меня насторожила. По аэродрому спокойно ходили японские солдаты. Тишина, спокойствие, будто и нет войны <...> Через некоторое время подходит японский полковник с переводчиком»¹⁷. В первом описании после прибытия в Харбин советского десанта говорилось: «18 августа на исходе. Советский консульский особняк за железной оградой <...> Японские солдаты плотной цепочкой несут охрану по внешнему обводу ограды»¹⁸.

В воспоминаниях советских военачальников встречаются примеры сочувствия японцам, оказавшимся в августе 1945 г. в безвыходном положении. Генерал А. П. Белобородов писал: «Из всего виденного на войне разгромленные японские эшелоны произвели на меня одно из самых тяжких впечатлений, несмотря на то, что это был враг»¹⁹. В мемуарах говорится об особенностях капитуляции японской армии. Генерал И. И. Людников вспоминал: «Было получено следующее донесение: “В городе Сыпингай японская пехотная дивизия ждет, чтобы ее кто-либо взял в плен, но нам некогда ею заниматься, мы пошли вперед. Полковник Коваленко”»²⁰. Генерал В. Р. Бойко писал в своих воспоминаниях: «18 августа в штаб 192-й стрелковой дивизии бойцы привели двух японских офицеров в мундирах медицинской службы. Медики обреченно заявили, что их судьба, как и всех офицеров императорской армии, предрешена: впереди у них одно – расстрел. На родину им никогда не вернуться»²¹.

Особый интерес для нас представляют картины капитуляции японских войск. В сообщении майора П. Макрушенко, опубликованном в газете «Амурская правда», было приведено описание переговоров японского командования: «В период переговоров по радио Советского командования на Дальнем Востоке с командованием японской Квантунской армии произошла встреча Маршала Советского союза Василевского с

¹⁶ Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни). Вып. 1. Красноярск, 2010. С. 71–72.

¹⁷ Чистяков И. М. Служим Отчизне / Литературная запись Г. С. Комиссаровой. – Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1985. С. 273.

¹⁸ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. / Под ред. М. В. Захарова. – Изд. 2-е, доп. и испр. – М.: Наука, 1969. С. 300.

¹⁹ Белобородов А. П. Указ. соч. С. 129.

²⁰ Людников И. И. Через Большой Хинган. М.: Воениздат, 1967. С. 102.

²¹ Бойко В. Р. Указ. соч. С. 101.

представителями командования Квантунской армии. Встреча состоялась 19 августа. В ставку Маршала Советского Союза Мерецкова на самолете прилетели начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата, японский консул в Харбине Миякава и группа старших офицеров японского штаба. Встреча состоялась в лесном домике неподалеку от советско-маньчжурской границы в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени <...> сняв головные уборы, японцы низко поклонились представителям Советского командования <...> Переговоры велись несколько часов. Японцы заявили, что они согласны на безоговорочную капитуляцию <...> В этот день на большей части фронта японцы прекратили вооруженное сопротивление, однако при встрече с нашими передовыми отрядами оружия не сдавали, заявляя, что ожидают приказа <...>. Вслед за 3-й японской армией, приступила к разоружению 5-я японская армия. Здесь первым сдался в плен начальник штаба армии генерал-майор Ковая <...> Прибывший вскоре командующий 5-й армией генерал-лейтенант Семидзу довел до сведения Советского командования, где какая дивизия складывает оружие»²².

Эти же события позже нашли отражения в мемуарах маршала К. А. Мерецкова: «Для контраста расскажу о том, как в конце августа я принимал пленных японских генералов. Они были доставлены в район полевого управления 1-го Дальневосточного фронта. Находившегося в 8 км юго-западнее Духовской, в полной форме, при всех регалиях и при холодном оружии. Сначала генералы держались очень робко. Но потом, когда их пригласили за стол и стали разговаривать с ними спокойно и корректно, они осмелели. Первое, о чем они заговорили, касалось оказания всем японским пленным медицинской помощи и обеспечения их одеждой и продуктами <...> Генералов заверили, что их солдаты будут снабжаться не хуже, чем в Квантунской армии»²³.

Свой взгляд на японцев отразили офицеры-фронтовики, принимавшие капитуляцию японских войск в августе 1945 г. В воспоминаниях офицера-танкиста говорилось: «На станцию Эрчань танкисты ворвались еще засветло. Здесь японцы спешно грузились в эшелон <...> После первого же выстрела из тридцатьчетверки по эшелону паровоз, стоявший под парами, пронзительно свистнул и рванул вперед. Но разбитый снарядом вагон преградил ему путь. Поняв, что им не уйти, японцы вдруг успокоились. Под зычные команды офицеров они начали строиться в колонну. Складывать оружие. Низенький полковник в очках вышел навстречу лейтенанту Неустроеву и протянул ему меч, украшенный самоцветами. наших бойцов удивило и насторожило такое поведение японцев.»²⁴.

²² Амурская правда. 24.08. 1945.

²³ Мерецков К. А. Когда отстремели выстрелы // Освободительная миссия на Востоке. М.: Воениздат, 1976. С. 136–137.

²⁴ Безотосов А. Танковый рейд. Записки офицера. / Библиотечка журнала «Советский воин» №8/855. М.: Воениздат, 1988. С. 74.

Офицер-сибиряк М. И. Соколов писал в своих воспоминаниях: «Мне пришлось принимать участие в приеме пленных в восточной части Хайларского укрепрайона. Характерны некоторые моменты, которые говорят о том, что японский солдат с детства обрабатывался в полной покорности императору, эта покорность доводилась до фанатизма. Так японцам был дан определенный срок, в течение которого они должны были захоронить трупы, взять с собой в ранцы самое необходимое, построиться и по одному пройти мимо принимающих, сложить личное оружие <...> По приказу японского офицера солдаты выходили из дотов, становились на колени, сложили оружие перед собой, произносили какую-то молитву или клятву и только после этого строились и выходили для сдачи в плен. Некоторые офицеры, да и солдаты японской армии, штыком или клинком вспарывали себе живот или стрелялись. Был случай, когда самурай бросил под себя гранату, осколками были ранены некоторые из членов близко стоящих членов комиссии <...> местное население постоянно помогало нам в розыске скрывавшихся от пленения японских офицеров и солдат, которые порой совершали террористические акты»²⁵. Офицер-танкист Д. Ф. Лоза, принимавший 21 августа капитуляцию одной японской части в Мукдене, вспоминал: «Привлек мое внимание один офицер – командир таковой роты. Он с дрожью в руках отстегнул от ремня самурайский меч, подержал его несколько минут почти на вытянутых руках, крепко поцеловал и только тогда, бережно положив его на землю, отошел, низко опустив голову»²⁶.

В воспоминаниях бывшего командира взвода разведки Тихоокеанского флота М. А. Бабикова приводится такой случай, характеризующий японцев: «По наущению и при подстрекательстве нескольких фанатично настроенных офицеров, которые запугивали солдат ужасами расправы большевиков, японцы решили избежать плена, попытаться захватить стоящие на путях эшелоны и на них вырваться из Вонсана, проскочить в южную часть страны и оттуда морем перебраться на родину. Они считали, что пока приказ о капитуляции не подписан, у них есть право на самочинные действия. Все их надежды были на внезапность и на численное превосходство, перед которыми русские не устоят <...> Твердость и выдержка десанта заставили японское командование отступить <...> В восемнадцать часов двадцать второго августа Хори и Тадо заявили, что доставленная офицером связи радиограмма разрешает им капитуляцию советским войскам. <...> С этого момента обстановка в городе резко изменилась. Японские солдаты и офицеры стали утрачивать строгую воинскую организацию. <...> Гарнизон массовым порядком начал сдаваться в плен»²⁷.

²⁵ Соколов М. И. Указ. соч. С. 29–30.

²⁶ Лоза Д. Ф. Указ. соч. С. 265.

²⁷ Бабинов М. А. На восточном берегу. Владивосток, 1985. С. 215.

Наиболее подробно в газетных публикациях и в воспоминаниях военачальников описана капитуляция японских войск в главных городах Маньчжурии – Чанчуне и Мукдене. В августе 1945 г. в газетах была опубликована статья спецкора ТАСС К. Пухова «Подробности капитуляции Чанчуня». В ней, в частности, говорилось: «Из Дугласа высадилось несколько советских офицеров во главе с полковником Артеменко, которых сопровождала группа автоматчиков. Прибывшие направились в помещение коменданта аэродрома, а четверка советских истребителей продолжала барражировать в воздухе. Вскоре по вызову наших офицеров на нескольких машинах прибыли на аэродром представители штаба японской Квантунской армии: заместитель начальника штаба армии генерал-майор Мацуока. <...> Японцы пытались уклониться от вопроса о безоговорочной капитуляции. Тогда полковник Артеменко вызвал через радию «Дугласа» заранее подготовленный на одном из фронтовых аэродромов авиадесант. На военный аэродром Чанчуня один за другим стали опускаться наши транспортные самолеты с автоматчиками. После этого японцы вынуждены были подчиниться»²⁸.

После войны, несколько десятилетий спустя, были опубликованы воспоминания самого И. Т. Артеменко. Бывший советский уполномоченный писал: «Утром 18 августа мы вылетели с одного из монгольских аэродромов и взяли курс на восток. <...> У самолета нас встретили представители командования японских войск. Через 25–30 минут произошла встреча с <...> Ямада <...> Наши требования <...> Ямада не хотел принимать. Он старался различными дипломатическими уловками свести результаты переговоров не к капитуляции, а к перемирию. Развязка настала неожиданно. В кабинет вошел дежурный японский офицер и доложил, что к городу приближается армада русских самолетов-бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей <...> несколько минут Ямада стоял словно в оцепенении. Затем резко выхватил свой самурайский «меч духа», несколько раз поцеловал его и, подав его мне через стол, склонил голову со словами: «Теперь я ваш пленник. Диктуйте свою волю». Его примеру последовали все присутствующие в кабинете японские генералы и офицеры, признавая себя пленными <...> Тут же в 14–10 Ямада подписал акт о безоговорочной капитуляции»²⁹.

В советских газетах в августе 1945 г. были опубликованы заметки о капитуляции японцев в Мукдене (Шэньяне). В хабаровской «Тихоокеанской звезде» была напечатана статья старшего лейтенанта Ф. Коновалова «В Мукдене (Заметки участника авиадесанта)», в которой говорилось: «Наш самолет пошел на посадку и приземлился на Центральном аэродроме Мукдена. Вокруг сотни японских самолетов. Возле них летчики,

²⁸ Амурская правда. 28.08. 1945.

²⁹ Артеменко И.Т. Последние дни второй мировой // Встречный удар. /Сост. Ю. Г. Богомолов. Улан-Удэ, 1988. С. 166–169.

технический состав. Первых представителей советского командования здесь явно не ждали. <...> Генерал-майор Притуло выходит из самолета, за ним – трое офицеров, группа автоматчиков. Японские солдаты низко кланяются, но на вопросы переводчика не отвечают. Через десять минут на аэродроме появляется японский генерал-лейтенант Исиока. Внешне он чрезвычайно любезен, он говорит, что не имеет полномочий на переговоры о принятии капитуляции. Генерал-майор Притуло отправляет наряды автоматчиков на вокзал, радиостанцию, телеграф, к мостам, к стартовой площадке самолетов, а сам в сопровождении Исиока едет к начальнику гарнизона Мукдена <...> в коридоре второго этажа здания японского штаба советских командиров встречает командующий Третий фронт Квантунской армии Усироку. Ознакомившись с письменными полномочиями генерала Притуло, Усироку торжественным тоном говорит: – Выполняя волю императора, сдаюсь на милость победителя <...> Уже в темноте наши офицеры разъезжаются по японским полкам. <...> Всю ночь по городу громят вереницы грузовиков, пушек, 50-тысячный гарнизон Мукдена разоружается и сдается в плен. Утром Мукден начинает жить обычной жизнью.»³⁰.

В советское время были опубликованы воспоминания главных действующих лиц тех событий. А. И. Ковтун-Станкевич в своей статье «Комендант Мукдена» писал: «Садимся. В это время два японских истребителя взмывают в воздух. Кто дал им права на взлет? Это ведь нарушение условий капитуляции. <...> Пока мы разбирались, они сделали несколько кругов над аэродромом, набирая высоту, а затем, войдя в штопор, врезались в землю в метра двухстах от наших самолетов. Раздался взрыв. <...> чуть-чуть ближе – и от наших самолетов могло остаться лишь одно воспоминание. По лицам японских солдат и офицеров видно, что они восхищены поступком своих летчиков. <...> Итак, мы в Мукдене»³¹. В воспоминаниях советских офицеров говорится: «Через два часа нахождения в Мукдене батальон был поднят по тревоге. Мы получили приказ разоружить японскую танковую часть в близлежащем секторе города. <...> Группа с белым флагом направилась в расположение неприятеля. Прошло около 30 томительных минут. Парламентеры, наконец, показали в воротах. С ними вышагивал японский офицер. Подойдя ко мне, он с холодной ненавистью в голосе, на чистом русском языке сообщил, что бригада получила приказ от их командования о сдаче оружия»³².

В воспоминаниях советских генералов нашли противоречия, появившиеся в августе 1945 г. по проблеме японского плена. Генерал А. П. Бе-

³⁰ Тихоокеанская звезда. 29.08. 1945.

³¹ Ковтун-Станкевич А.И. Комендант Мукдена // Освободительная миссия на Востоке. – М.: Воениздат, 1976. С. 151.

³² Лоза Д. Ф. Указ. соч. С. 260.

лобородов писал: «Кавагоэ, приехав к нам сдаваться, начал разговор с возражения против слова «капитуляция». И генерал Симидзу, прощаясь с нами, вернулся к той же теме <...>: “мы не считаем себя пленными, так как мы прекратили военные действия в связи с высочайшим рескриптом, мы никогда не терпели военных поражений. Если бы продолжалась война <...> наши военные погибли бы на поле боя. <...>”. Ну что ответишь на эту словесную казуистику? Пленный есть пленный <...> И в плену вы оказались не потому, что так повелел император, а потому, что ваша армия <...> за десять дней боевых действий против советских войск понесла громадные потери»³³.

Таким образом, участники советско-японской войны оставили многочисленные свидетельства о поведении японцев во время военных действий и при капитуляции Квантунской армии. На первом этапе войны чаще всего указывали на «коварство» японских солдат, приводились примеры их массового самопожертвования. Для второй половины августа типичны описания трагедии японских военных, вынужденных принять условия безоговорочной капитуляции и сдать победителю свое оружие. Эти свидетельства советских военных способствовали формированию определенных взглядов и представлений о японцах, которые затем распространялись в различных слоях советского общества и сохраняются в России до настоящего времени. Расширение круга подобного рода исторических источников, критический их анализ и помещение их в поле сравнительных исследований позволят сделать историческую картину событий более полной, что, без сомнения, будет способствовать лучшему взаимопониманию между народами России и Японии.

³³ Белобородов А. П. Указ. соч. С. 169.